Плата за страх

Category: Hekaýalar,Kitapcy,Satiriki hekaýalar
написано kitapcy | 23 января, 2025
Плата за страх ПЛАТА ЗА СТРАХ

— Удивляюсь, в Стамбуле, в этом большом городе, где живет более двух миллионов чудаков, такой человек, как ты, вдруг не может найти работу! — проговорил Сабахаттин.
— Значит, я один из тех двух миллионов, о которых ты говоришь. Что я могу поделать, все время ищу, но ничего не нахожу! — ответил я ему.
— Для того чтобы получить работу, не обязательно рыскать по городу?
— А как же?
— Надо пораскинуть мозгами и придумать себе работу!
— Ну и сказал! Что могу придумать я, несчастный, когда даже правительство ничего не может придумать!
— Позволь, позволь! Для себя же они придумали, стали вот правительством!
— Но я-то не могу стать правительством!
Этот разговор происходил в сутолоке площади Эминеню. Сабахаттин был моим старым приятелем. Он подхватил меня под руку и потащил в кофейню во дворе мечети Ениджами.
— А чем ты занимаешься? — спросил я, потягивая из чашечки кофе.
— Я свободный предприниматель! Сегодня не знаю, что мне принесет удачу завтра. Все зависит он конъюнктуры.
— Да, но чтобы быть свободным предпринимателем, нужен капитал, брат, и немалый! Мелкое предпринимательство давно отошло в прошлое!
— Если голова варит, то и капитала особого не требуется! В свое время и я два года был безработным. Это послужило мне хорошим уроком. Больше со мной такого не случится!
Мы минуту-другую молчали.
— Как ты относишься к социализму? — вдруг спросил он. Вопрос обрушился на меня, будто кирпич с потолка.

— Какой такой социализм?! — резко спросил я. — Что за чушь ты городишь?
— Нет, ты знаешь, что такое социализм?
— Замолчи ради Аллаха! Еще услышит кто-нибудь, неприятностей не оберешься! Я такими делами не занимаюсь.
— Теперь все понятно! Не мудрено, что ты безработный! Надо же понимать, что происходит на белом свете. О чем больше всего говорят в Турции? В кофейнях и дома, бедные и богатые, женщины и мужчины только и толкуют, что о социализме. Твист да социализм, социализм да твист — вот самые модные разговоры! Лет пятнадцать назад мне здорово досталось из-за этого социализма. Проходил я мимо какой-то городской больницы, у входа толпились люди. Вид у них был такой, что и людьми не назовешь, вот-вот богу душу отдадут, словно после чумы. Я обратился к одному — он лежал прямо на мостовой, на грязном, залатанном одеяле — и спросил, чего они здесь ждут. Чтобы услышать его ответ, мне пришлось нагнуться к самому его лицу. Оказалось, что это больные, которых не берут в больницу, а им некуда идти, и нет у них денег даже на кусок черствого хлеба. Я бросился в ближайшую булочную и принес десять хлебов. У разносчиков фруктов взял помидоры и виноград. И каждому еще по лире дал. Совсем расстроенный сел в автобус. Я сошел на последней остановке. Вдруг кто-то коснулся моего плеча: «Пойдем-ка со мной!» — «Что случилось?» — «Пойдем, пойдем!..». Короче говоря, это был полицейский, сударь ты мой. Он отвел меня куда следует. «Зачем ты раздавал этим людям хлеб и деньги?» — спросили меня. «Они голодные, мне стало жаль их, и я дал им хлеба». «А ты что, правительство? Думаешь, некому их пожалеть, кроме тебя? Откуда у тебя деньги?» Оказывается, то, что я делал, расценивалось как поступок сумасшедшего или социалиста. А так как я не был сумасшедшим, то решили, что я социалист. Подумать только: давать деньги, не получая ничего взамен! Мне изрядно тогда всыпали! «Я не социалист!» — отпирался я. «Докажи!» — наседали они. Но как это можно доказать! Потребовали, чтобы я представил поручительства от двух почтенных и благонадежных граждан. Например, от купца, зарегистрированного в торговой палате, или в крайнем случае от

приказчика. Совсем как при покупке вещи в кредит. После того как отсидишь девять дней, сумеешь доказать, что ты не социалист. С того дня стоило мне только услышать: «Соц…», — как я бежал без оглядки… Так говори, хочешь с нами работать? — напрямик спросил Сабахаттин.
— Что за работа?
— Зачем тебе знать? Хорошие деньги получать будешь. Мы работаем вдвоем, ты будешь третий. Мой коллега вот-вот подойдет.
Коллега действительно не заставил себя ждать.
— Познакомьтесь! Если тебе этот парень приглянется, возьмем его в нашу компанию. Вместе будем работать, — сказал мой приятель, представляя меня.
Человек оглядел меня с ног до головы.
— По-моему, подойдет, — процедил он. — Представительный. В теле… Даже с животиком…
— Он всегда был верзилой, а с годами располнел. Видишь, шею нaел, — сказал Сабахаттин.
Я посмотрел на них недоверчиво. Нет, они не шутили.
— А все-таки, чем мне придется заниматься? — еще раз спросил я.
— Дело нетрудное. Ты просто пойдешь с нами — и все, — сказал Сабахаттин. — Сам поймешь, что к чему.
— А при чем тут мой рост?
— Очень даже важно. Я вот коротышка. Он тощ, как жердь. Известно, внушительная внешность делу не помеха. Ты со своей шеей и животом внушаешь доверие, даже самый подозрительный человек тебе поверит. Мы уже давно ищем такого компаньона…
Мне очень нужны были деньги и работа, я не стал больше допытываться, что мне придется делать.
— А сколько положите мне в месяц? — спросил я только.
— Постоянного оклада нет. В дни, когда мы бываем в деле, в наших руках по нескольку тысяч оказывается. И мы их делим между собой.
Мне подумалось, что это, наверное, торговое предприятие.
— Имеете ли вы представление о социализме? — спросил меня тощий.

— Ради Аллаха, ничего не говорите мне о социализме!.. Я так пострадал в свое время…
— Это замечательно! Какая счастливая случайность!
— А ваше дело не вызывает недовольства правительства?
— Боже упаси! Чтобы зарабатывать деньги, нужно смотреть на правительство, как на компас. В общем, нос держать по ветру…
— Ну, скажите же мне, в чем заключается работа? Что вы из этого секрет делаете?!
— Социализм — пугало для богатых, — проговорил опять тощий.
— Совершенно верно. Поэтому-то мы и взялись за него. Как животные задолго до землетрясения жмутся друг к другу, предчувствуя недоброе, так богачи не находят себе места при одном упоминании о социализме. Точь-в-точь как ослы, лошади, собаки, голосят каждый на свой манер.
Тощий вытащил записную книжку и начал читать фамилии известных в стране деловых людей.
— К кому же мы сегодня пойдем? — спросил он.
Сабахаттин сказал, кто из них находится сейчас в Европе, кто в Анкаре; в Стамбуле оказались четверо. Мы расплатились в кофейне и отправились на главный почтамт. Тощий стал звонить одному из этих четверых. Разговор он вел в очень вежливом тоне и попросил встречи с уважаемым человеком, как он сказал, по весьма важному делу. Потом стал набирать номер следующего. Удалось соединиться с его секретарем. Тощий попросил записать свое имя и сказал, что позвонит позже. Третий деловой человек сообщил, что он освободится через час и только тогда сможет нас принять.
Ровно через час, минута в минуту, мы подошли к его конторе, которая занимала целый этаж большого здания. Мне дали указания, как себя вести. Я должен был развязно войти, развалиться в самом роскошном кресле, закинуть ногу чуть ли не на стол, обращаться на ты.
Я очень волновался и не знал, что буду делать и говорить. Я участвовал в какой-то грандиозной афере, смысла которой не понимал. Не понимал и своей роли в ней.
Секретарша доложила о нашем приходе. Нас провели в кабинет. Там были еще двое, они уже поднялись и собирались уходить.

Пожав нам руки, босс указал на кресла.
— Конечно, конечно… Несомненно, — говорил он, провожая посетителей. — Наши интеллигенты, патриоты-националисты, как и вы, будут бороться с заразой, не позволят погубить нашу страну. И мой долг — во всем поддерживать вас…
Те двое попятились к двери, на ходу благодаря хозяина.
Босс вернулся в свое кресло и, упершись локтями в стол, обратился ко мне, как к самому представительному из нас троих:
— Прошу вас, господин…
Я посмотрел на Сабахаттина, тот облизнул губы.
— Слушаю вас! — повторил босс.
А я не знал, что мне полагается говорить и о чем вообще пойдет речь. Я поудобней устроился в кресле. В это время поднялся Сабахаттин и, вытянув вперед руку, как опытный актер, произнес:
— Уважаемый господин…
Это обращение босс воспринял, видимо, как имя собственное.
— Уважаемый господин! Вам, несомненно, приходится наблюдать, как над нашей страной все явственней нависает опасность. Социализм — бедствие вроде землетрясения, — сказал Сабахаттин.
— Упаси нас Аллах не только от стихийных бедствий, но и от бедствий общественных! Вредные течения, истоки которых находятся за границей…
— …тащат страну в пропасть, — перебил Сабахаттина босс.
— Если не предпринять экстренных мер… конец наш неизбежен, — закончил Сабахаттин. — Нельзя упустить момент, иначе все наши последующие усилия окажутся безрезультатными. Число врагов частной собственности растет изо дня в день. Проповедуя ненависть к частному капиталу и свободной инициативе, они прививают тем самым и ненависть к имущим слоям…
— …раскалывают национальное единство, — докончил фразу опять босс.
— …разделяют народ на два враждебных лагеря…
— …и в своих преступных целях…
— …добиваются удачи. Если мы не примем эффективных мер…
— …нас ждет неминуемая катастрофа. Эту истину, к сожалению, нам надо признать… — перекликались они, как петухи.

Тут вскочил на ноги тощий.
— Мы должны разбудить наших деловых людей, владельцев больших капиталов, которые пребывают в блаженном сне! — взволнованно заговорил он. — Вам известно, уважаемый господин…
— …что социалисты получают помощь от наших врагов? — закончил теперь Сабахаттин. — Только в прошлом году эта помощь выразилась в сумме два миллиона триста сорок шесть тысяч семьсот девяносто два доллара. Что мы против этого…
— …предпринимаем? Ничего! — подхватил опять тощий. — Нами движет любовь к родине, к нашей вере. И мы боремся против этих предателей. Для чего мы это делаем? Для защиты частной инициативы. Это и есть наш долг, и…
— …в этой борьбе наши уважаемые богатые благодетели…
— …не оставляют нас одинокими… — закончил тощий.
В перекличку опять вступил босс, теперь они образовали трио.
— Несомненно. Вы очень точно выразились… Поддерживать нас — ваш долг. В противном случае…
— …страна погибнет. Наши социальные враги…
— …неукротимы. Средства из-за границы, газеты и журналы…
— …которые они выпускают. Помните, господа, что они недавно писали в своих журналах? «Необходимо положить конец воровству. Никто не имеет права ущемлять права нашего несчастного народа!» Что это значит? Кого они имеют в виду?! Это — открытое выступление…
— …против наших деловых кругов! Они теперь ни перед чем не остановятся, захватывая все новые области деятельности! «Грабители, живущие за счет народа» — нам понятно, кого они имеют в виду!
— Конечно, конечно же, нас!
— Мы должны бороться против этих идей! В то время как они получают миллионы, мы…
— Что нужно делать? Выпускать еще какой-нибудь журнал?
— Если вы доверяете нам это?
Я в это время очень удобно развалился в кресле, положил ногу на ногу и покачивал в такт носком. Из коробки на столе взял сигару. Босс нажал кнопку.
— Принесите нам кофе, — распорядился он.

Мои приятели тоже сели. Босс нервно постукивал пальцами по стеклу.
— Как вы намерены вести борьбу? — серьезно спросил он.
— Мы будем бороться! Их идеям мы противопоставим наши идеи!
— И посмотрим, тогда, кто кого.
Мне надоело все время молчать, захотелось вставить свое словечко.
— Социалисты на всех перекрестках кричат о своих принципах, не упускают ни одной возможности, прибегают к любым средствам. Мы обязаны стряхнуть с себя сонную одурь!
— Дай Аллах здоровья патриоту, который внес на издание нашего журнала пять тысяч лир! — с умилением, воздев глаза к потолку, произнес тощий.
— Я тоже внесу свою маленькую лепту в ваше великое дело, — решительно проговорил босс. Он вызвал главного бухгалтера и приказал ему выдать нам чек на шесть тысяч лир.
Горячо благодаря хозяина, мы поднялись. В это время в кабинет вошел человек и проговорил с тревогой:
— По ком звонят колокола, господин?
— Какие колокола? — растерянно спросил хозяин.
— Набатные! Вот какие! Жаль, что вы ничего не слышите! Социалисты совсем распоясались! А наши патриоты никак не могут продрать глаза…
Нас проводили до дверей, и босс поспешил вернуться к взволнованному посетителю, которого оставил в кабинете.
Мы остановили такси и помчались в кофейню во дворе мечети Ениджами. Первым делом поделили между собой эти шесть тысяч лир. Я получил третью часть, хоть и сказал всего несколько слов.
— Сыграем разок-другой в тавлу [1], а там двинемся на Бей-оглу.
Началась игра. И только сейчас я узнал, что тощего зовут Ниязи.
— Что будем делать ночью? Куда пойдем? — спросил он.
— Потопаем в «Караван-сарай» [2], говорят, прибыли новые мальчики. Стриптиз делают, танцуют славно, ничем не хуже девиц…

— Да, страна действительно находится в серьезной опасности, — проговорил я. Мне хотелось задеть их за живое.
Ниязи швырнул игральную кость.
— Вай! Бессовестный ты, нахал! Разве ты не получил свои две тысячи? — угрожающе спросил он меня.
Деньги согревали мой карман, и я сказал помягче:
— Друзья, это не совсем хорошо, что мы сидим здесь. Наша страна в опасности.
— На сегодня с нас хватит, мы хорошо поработали! И теперь имеем право немного поразвлечься. Через два дня нам назначено еще одно деловое свидание…
Я еще раз проверил, целы ли мои деньги. Я был как во сне, все не мог поверить, что можно так легко заработать кучу денег. Всю ночь мы развлекались втроем; но я к своим деньгам не прикасался.
Наутро мы расстались, чтобы встретиться через два дня в той же кофейне. Я был так пьян, что не помню, как добрался домой.
Я пришел в кофейню во дворе Ениджами слишком рано. Только через полчаса явился Сабахаттин.
— Ум мой никак не может разобраться в этом деле, Сабахаттин! — проговорил я.
— В каком деле? — спросил он.
— Дельцы — люди хитрые, смышленые. Провести их не так-то легко. Недаром они ворочают большими деньгами и наживаются…
— Само собой…
— Как же этот тип, не пикнув, дал нам шесть тысяч?
— Боится… Стоит заговорить о социализме, как у них коленки начинают трястись. Утопающий хватается за соломинку, а эти — за каждого, кто пообещает бороться против социализма. Дело верное, денежное! Не только мы им занимаемся. Таких групп, как наша, действует еще восемь или десять… Но мы с Ниязи были первыми, он очень умный парень. Работает научно, не придерешься. Насобирает с богачей тысяч тридцать, и в Европу едет, чтобы быть в курсе дел.
— А чем он там, в Европе, занимается?
— Изучает па месте, как этот социализм возникает. А теперь здесь лекции читает. Скоро книгу выпустит. Денег не хватает,

чтобы ее напечатать… А богачи дрожат: вдруг социализм на самом деле придет.
— Почему?
— Ты как маленький — почему, да почему! Социалисты всех с толку сбили. Они говорят: обманывать нельзя, эксплуатировать нельзя, жить за счет другого нельзя. Они требуют, чтобы была социальная справедливость и все такое прочее.
— А когда же мы начнем издавать журнал?
— Какой еще журнал?
— На который нам дали деньги.
Сабахаттин рассмеялся:
— Ты что, спятил?
— А если тот, кто дал нам деньги, пожалуется? Это же мошенничество!
— Никто на нас жаловаться не будет. Он, кстати, и так знает, что никакого журнала не появится. И другие тоже знают. Знают и дают — так, на всякий случай…
Подошел Ниязи. Мы остановили такси и отправились на свидание к банкиру, владельцу половины акций банка. Попасть к нему в кабинет, который находился в центральном здании, было не так-то просто.
Наконец Ниязи уселся против банкира, достал из своего портфеля кипу газет и журналов и принялся вслух читать выдержки из них.
— Я знаю эти статьи, читал. Благодарю за внимание, — остановил его банкир.
— Господин, социалистическая опасность уже стучится в нашу дверь! Мы не совладеем с этой заразой…
— Змеиную голову надо раздавить, пока она еще мала! — вставил я.
— А мы не сидим сложа руки, — отвечал банкир. — У нас есть своя пресса…
— Это нам известно, господин! — сказал Ниязи. — Вы считаете, что этого достаточно? Они проникают в гущу народную! Они действуют тайно и очень хитро! Одной полиции с ними не справиться!
— Что вы хотите от меня? Объявление для вашего журнала или деньги на новое издание? — напрямик спросил банкир,

— Мы должны издавать книги, — вступил в разговор Сабахаттин. — Только так мы добьемся каких-нибудь результатов в нашей борьбе. Мы раскроем перед народом сущность тех, кто выдает себя за социалистов. Они хотят грабить богатых, сделать богатых бедными, а бедняков довести до последней черты. Ваши издания написаны слишком научно. А мы хотим издавать книги, доступные простому народу.
— Это очень хорошо. Нужно раскрыть народу глаза, пусть он поймет, что, только обретя свободу, добьется благосостояния и богатства. Чем разнообразней наша деятельность, тем более плодотворными будут результаты, — сказал банкир. — На прошлой неделе ко мне заходили юноши. Они решили образовать общество…
— Но, господин, мы, к сожалению, не имеем средств… Деловые люди не хотят видеть, что опасность уже подошла к порогу.
После этой беседы мы вышли из банка с тремя тысячами лир. Раздраженный Ниязи бормотал:
— Вай, вот скупой осел! Если дела так дальше пойдут, мы прогорим.
— Да, раньше давали щедрее, — поддержал его Сабахаттин. — Уж очень много развелось просителей вроде нас. Ничего не поделаешь. В первый месяц мы каждые два-три дня наведывались к большим дельцам. Одному говорили, что хотим выпускать журнал, другому — что думаем организовать общество, и уходили всегда с туго набитыми кошельками. А помнишь того пузатенького, который еще говорил, что все приходят к нему и уверяют, что их великие идеи поборют идеи социалистов? «Какие там идеи? — сказал он. — У кого ты найдешь идею в голове? Днем с огнем не сыщешь такого! Ни у кого не осталось ни веры, ни религии. Я, верно, приглянулся тому дельцу, и он сказал: «Капитал — штука очень трусливая. Чуть что — сейчас задрожит, затрясется. Эти подлецы напугали нас здорово. Недавно мы с приятелем создали, так сказать, общество, но ведь одними только обществами социализм не остановишь, они в каждую дырку умеют пролезть! Поверите ли, я только недавно узнал, что мой зять — социалист! Разведу дочь! Не потерплю, чтобы у меня в семье был этот подонок! Или моя честь гроша ломаного не стоит?»
За две тысячи лир, которые мы получили от этого болтуна,

пришлось битых два часа слушать его разглагольствования.
Наш вожак Ниязи сказал:
— Тема социализма уже исчерпана! Больше нам делать нечего по этой части.
— Неужели? — протянул я.
— А что же, ты сам не видишь? Эти прощелыги много говорят, но кошельки подальше запрятали!..
Ниязи изрек чистую правду. Все, к кому мы обращались теперь за помощью, говорили одно и то же: «Социализм дело не очень плохое, я сам социалист процентов этак на тридцать. В каждом деле свой секрет. Нужно знать, где собака зарыта… А наши не способны разбираться в тонкостях…»
— Ваш покорный слуга — тоже до некоторой степени социалист, — отвечал на эти слова Ниязи. — Но все должно иметь пределы. Можно быть социалистом на двадцать, на тридцать, даже на сорок процентов. А дальше — стоп. Всякое излишество вредно.
Заходили мы и к тем деловым людям, у которых бывали раньше. Они тоже на сколько-то процентов стали социалистами. На столько же процентов соответственно уменьшались и суммы, которые они жертвовали нам.
А один на днях объявил:
— Я стал социалистом на шестьдесят процентов… Как раз после этого заявления Ниязи и решил:
— С социализмом надо кончать. Нам делать больше нечего, если эти подлецы стали социалистами на шестьдесят процентов!
— Почему? — как всегда, спросил я.
— А потому. Раз эти горлохваты хотят владеть тем, что их заинтересовало, то уж на все сто процентов! Социалистами они тоже захотят стать стопроцентными. Тогда всем нам крышка…
— А как же мы? — спросил я, вспоминая горькие дни безработицы. За время, что мы промышляли, я сколотил кругленькую сумму.
— Еще что-нибудь придумаем! — беззаботно проговорил Сабахаттин. — Столько времени паслись у этой кормушки, пора и честь знать! До этого два года жили поборами на строительство мечетей, а раньше собирали деньги для общества спасения беспризорных детей, реставрации исторических памятников, охраны инвалидов. Пораскинь мозгами — всегда найдешь дело.

Жизнь подскажет…

Я по своей натуре не был авантюристом и поэтому предложил:

— А что если нам создать фирму и заняться торговлей?

— Где уж нам! — махнул рукой Ниязи.

— Деньги для этого нужны, — пояснил Сабахаттин.

Я отложил тридцать пять тысяч лир, а у них не было и тридцати пяти курушей. Конечно, что легко добывается, то легко и уходит.

Я решил открыть свою собственную контору, заниматься импортом, экспортом и комиссионными делами и зарегистрировался в торговой палате. Еще не было заключено ни одной сделки, как ко мне явились мои приятели:

— Да пошлет Аллах тебе удачи! Я поблагодарил.

— Брат мой, ты эту контору открыл в очень неблагоприятное время.

— Почему? — как всегда, спросил я.

— Неужели сам не понимаешь? Социализм набирает темпы, социалисты — враги капитала. Чем богаче ты становишься, тем больше врагов себе наживаешь!

«А ведь он правду говорит!» — подумал я. И страх охватил меня. Никогда не обрести мне покоя.

---

[1] Тавла — трик-трак (игра).

[2] «Караван-сарай» — название ночного клуба. Satiriki hekaýalar